

Сусанна Черноброва

"Я приснился себе молодым " **Самуил Шварцбанд**

ДРУЖБА

Встреча с ним была для нас судьбоносной. Именно он назвал Рому, а с ним и нас в Израиль, в Иерусалим. Заочно я его немного знала. Рома привез из Иерусалима в Ригу его первый сборник "Черепки", и мне запомнились строчки:

...Гора Кармель пониже, чем Олимп,
Но видится отчетливей и дальше

Есть две чужбины, Запад и Восток,
Теперь я понял, отчего лениво
Волна морская в Хайфе на песок
Выносит тину Рижского залива.

Я перечитываю его стихи, Сенин уход придал им дополнительное звучание. В антологии " Стихи о Риге. Тринадцатый зонтик " (Рига, 2007) есть подборка Сени. Строчки из неё я часто про себя повторяла: *"Вот и ты был выписан из книги с подленьким названьем домовою, чтоб по закоулкам Старой Риги не спешил с надеждами домой. Больше не сбежишь от домочадцев в первый переполненный состав, чтоб на рельсах в Дубулты качаться, вывихнув у Майори сустав"*. Это про рельсовую "подкову", важное для всех рижан место. Она описана в "Шуме времени". В апреле 91-го мы уезжали с билетами в один конец, не надеясь когда-нибудь вернуться. Советский Союз ещё существовал, мы сдавали паспорта и платили за отказ от гражданства. Оставили ближайших друзей, и ещё восьмидесятилетнему папе пришлось бросить товарищей. Но тут произошла наша встреча. С Сеней и Розой мы подружились молниеносно, как бывает только в юности. "Я дружбой был, как выстрелом разбужен...". Новый 92-ой год мы уже встречали вместе. Они сразу стали родными, мы настолько понимали друг друга с полуслова, что показалось, что мы знакомы давным-давно. Может, потому что земляки, из одного города. Удивлялись, как мы прошли мимо друг друга в Риге. Но лет в двадцать разница в пять лет разделяла, и компании у нас там были разные. Зима 91- 92 и была незаконной, без очереди ворвавшейся второй юностью. Так иногда бывает, что антициклон зимой обманывает миндальные деревья, и они вдруг начинают цвести. Оснований для такого обмана было много: жили на какой-то полудачной квартире, по-студенчески, ходили в ульпан с тетрадками, сидели за партами. Иврит учили с азартом. Меня в ту зиму неожиданно накрыли стихи после двадцатилетнего перерыва. Тогда, в 91-ом, мне казалось, что Иерусалиму конгениальна именно поэзия, а в живописи его нет. Он неуловим. То ли тогдашний Иерусалим тому виной, то ли новый язык и студенчество в ульпане... Стихи, как правило, тоже дело молодое. Наша первая иерусалимская зима была ностальгически метельной. Сеня потому навсегда связан у меня со снегом и стихами. Сейчас, в 2018, кажется, что время было почти счастливое. Я писала по стихотворению в день. Сеня перепечатывал стихи на своём компьютере, он уже овладел им, а мы ещё нет. Сеня приехал на 10 лет раньше, значит, был старше нас. Он давал советы, одалживал деньги, выручал. А главная его помощь - он дружил. Дар дружбы у него был. Рому звал по-домашнему "Ромыч". Мы

тоже звали его Сенечкой, Сенькой чаще всего. И дети наши его любили, даже котёнка назвали Сенечкой. Сеня был доктором, потом профессором, автором пушкиноведческих книг. Но ничего важного, никакого "профессорства" в нем не было. Когда он умер, стали приходить письма. Анатолий Найман: "О Сене память самая добрая. С ним было просто и уютно." А ещё он был поэт: "...только прошу тебя, не лги пушкинской рыбке...". Он задуман был как поэт.

Рома (Ромыч) идёт по университету. Я гляжу вслед. Рядом нет прихрамывающего Сенькиного силуэта, и как будто в пространстве рядом кусок ампутирован. Рома идёт рядом с пустотой.

Зима была освещена и снегом, и этим завязавшимся романом-дружбой между нами четырьмя. В январе проходила конференция по Андрею Белому. Сеня ее организовывал. Я не филолог, но жила среди филологов. Потому на некоторые доклады приходила. Мы сидели в аудитории, и вдруг в окне появились первые большие хлопья, и постепенно его затянуло совсем петербургской метелью. Все переглянулись.

Мы не ожидали такого холода в Израиле. "Я нигде так не мёрз, как в жарких странах"- кажется, кто-то из французов. У нас в университетской квартире в Гива Царфатите слабо топили, и мы ещё не умели справляться с местным отоплением. Надо было выпустить воздух из радиаторов, что-то подкрутить. От каменных полов веяло холодом. Мы вообще думали: раз зима, то и должно быть холодно. Здесь, мол, не топят улицы, как в прежней жизни. Мой спутник даже сказал мне: "Надень свитер, носки и спи, как человек". А у Сени и Розы были тёплые полы, и они плюс Розины пельмени, согревали. "Это самый тёплый дом в Иерусалиме" - слова нашего общего друга Захара Давыдова. "Тёплый" - это слово так подходило Сене и Розе. И название улицы было домашним, с идишеобразным призвуком: Пинелес. В детстве меня звал дедушка "зиселе", сладенькая на идиш. Мы пили вино, часто засиживались допоздна, бывало, ночевали. Времяпровождение было вполне молодежным. Мы встречались у Машбира, у арки "Талита куми", "Дева, встань" на арамейском, бродили по городу, болтали, но и молчать с ними было тоже хорошо.

После выпитого вина тянуло на воспоминания. Особенно запомнился один рассказанный Сеней случай из непростого послевоенного детства. Этот триллер хорошо передаёт атмосферу тех лет: Его, шестилетнего мальчика, повели старшие братья в сорок шестом году на публичную казнь нацистских офицеров. Казнь проводилась в Задвинье, на площади Победы, куда впоследствии наш класс водили на демонстрации. Мальчик запомнил, как один из приговоренных перед навешиванием петли громко сказал: «Ich habe Recht» («Я был прав!»).

Сеня был чудесным гидом по Иерусалиму. Сколько экскурсий для гостей он провёл! Могила Авессалома, альтернативная Голгофа, Бейт Тихо, улица Пророков, Эфиопская церковь, Шотландская церковь, рынок Махане Йегуда, все кварталы Старого Города - мы обошли много прекрасных иерусалимских мест. Наверно, это были лучшие прогулки в моей жизни. Ходили пешком, машины тогда ни у кого из нас не было. Часто заходили в кафе погреться, в одном уже исчезнувшем старом заведении на улице Яффо Сенька угостил пирожными "Шварцвальд", он любил знакомить с новыми лакомствами. Понравившуюся в доме вещь он норовил всучить, и можно было упираться сколько угодно. Я наотрез отказывалась, а дома открывала сумочку, и меня ждал сюрприз - запихнутые в нее вещицы. Всюду натыкаюсь на его подарки: римская волчица, чашечки с равеннской мозаикой... Он был щедрым, непрерывно что-то дарил: прогулки, город, встречи, людей, вино. Прекрасно знал Италию, особенно Рим. Он и меня заразил своей любовью к Риму. Мы прожили в августе 98-го месяц в Риме на снятой им квартире на улице Хомс. Была у нас ещё мечта - погулять с ним по Трастевере. Не осуществилась. Все откладывали. Думали, впереди вечность. Мы привыкли к прибалтийской сдержанности, даже холодноватости. К нему потянулись, как и многие, так все

соскучились по открытости, общительности, сердечности. Он словно заполнил нишу, она теперь снова пуста. В нем было обаяние, артистизм, харизма, как только это не называют... Он не жалел времени, чтоб помочь. Бегал, выяснял, названивал в разные фонды. Он не был всемогущим, просто ему было не лень и не все равно. У него получалось. Он жил по принципу: "Если не я, то кто же, если не сейчас, то когда?". Помогать - было для него любимым делом. И нас кормил, поил, одалживал деньги. Особенно в трудное первое время. На поминках доносилось со всех сторон: "он меня устроил на работу", "а мне помог получить стипендию"... Когда заболел наш друг, профессор из Москвы, К.К, понадобились средства на лечение. Сеня устроил вечер в пользу Коли, продавал книжки свои и чужие. И раздобыл деньги из фонда друзей Еврейского университета на операцию. Жизнелюб, хлебосол, на фотографиях Сеня всегда улыбающийся, серьезных почти нет. Пушкинист, поэт, художник, издатель, менеджер - все его ипостаси умещаются в одно слово "добро". Больше всего ему нравилось создавать саму жизнь. Сейчас бы сказали - продюсер среды. К Сенькиным начинаниям часто относились скептически, как к авантюрам. По его же словам, у него была сумасшедшая мечта - собрать ведущих славистов мира в Иерусалиме. Он эту мечту воплотил. В оргкомитеты конгрессов входили и Вячеслав Всеволодович Иванов, и Аверинцев и сэр Исая Берлин. Об этом лучше всего написал он сам (TSQ, N 65) в предисловии к сборнику в честь Вольфа Московича. Сеня был человеком семейным, мужем, отцом, дедушкой. И правнучек успел увидеть. "Мой дедушка... какой он был дедушка - один на миллион", - написала его внучка Мири. Я такого в наше время и не встречала почти. После своего собственного отца. Но и "филология - семья", "...без неё Европа - Сахара". Сеня все превращал в семью. Одно из моих стихотворений той зимы, которое я впервые увидела напечатанным на сенином компьютере:

С. Ш. - Самуил Шварцбанд, Б.Б. – другой наш, тоже ушедший друг

С. Ш., Б. Б.

* * *

Над парком шелестит стихотворенье
И исчезает без черновигов,
Как листопад, меня освещенье
И оставляя горсть истлевших слов.

А что слова? Подача иль звезда,
Та самая, чье повторяю имя,
Какие мы бросали города,
Чтоб встретиться теперь/ в Иерусалиме!

И в лунной зарождаются пыли,
Летят лучей сияющие нити
На призрак дома, на друзей вдали
И на сирень в Гивате–Царфатите.

Куда же, спотыкаясь в слепоте
Ведет дорога строчек и наитий,
И то, что бормоталось в темноте,
Договорю на сумрачном иврите.

1992 г.

Сене Шварцбанду

Вольнее пастбищ не найти, но все же я не променял,
Клочка земли с сухой травой на этот голубой провал
Виктор Луферов

ПРОВАЛЫ

И наверное, так бывало -
Осень в красно-синих провалах

Не во сне, в кино, наяву...
И в одном из них я живу.

Только мы совсем не о том,
Не о радуге в голубом.

Самый радужный, в бликах весь,
Он, наверное, где-то есть.

Есть провалы в ущелья, в глушь,
Даже в темные бездны душ.

А в прозрачном лишь пустота,
Никакого нет цвета там.

А последний стал белым-белым
В синеве за небесным телом.

Самый черный видеть нельзя,
По нему уходят друзья.

2018